

теру она ближе к стилю Дионисия и мастера иконы «Апокалипсис», чем к тому, что стало возникать в московской и новгородской иконописи на протяжении последующих десятилетий. Иконография большинства житийных клейм этой иконы в основном примыкает к более древней традиции, о которой можно составить себе представление по иконе XIV в. из Коломны. Второе клеймо кремлевской иконы с изображением погребения Владимира почти совпадает с миниатюрой на ту же тему в рукописи начала XVI в. из собрания Н. П. Лихачева, но икона отличается от миниатюры более высоким уровнем живописного мастерства.⁵

Центральное место в среднике кремлевской иконы занимает фигура Владимира, по обычаю того времени представленного в царской короне.⁶ По бокам от него Борис и Глеб — это не столько воины — защитники Русской земли, сколько покорные сыновья своего отца, великого князя. На них длинные одежды до пят, мечи в их руках почти незаметны.⁷ Во всем этом угадывается великокняжеская царская тенденция, характерная для Москвы начала XVI в. Впрочем, тенденцией этой далеко не исчерпывается идейный смысл этого образа и особенно житийных клейм. Хотя в них повторяются традиционные иконографические типы, они подвергнуты глубокой переоценке. Сцены княжеских междоусобий, кровавые расправы Святополка со своими братьями в иконе представлены, но не так обнаженно, как в более ранних житийных циклах. На жестокую правду о мученической судьбе обоих братьев как бы накинута покров поэтического вымысла. К повествованию о том, что происходило, примешиваются элементы сопереживания, поучения и похвалы. Эти общие черты кремлевской иконы помогают подойти к истолкованию последнего клейма, посвященного бесславному концу Святополка Окаянного (рис. 1).

Личность и судьба Святополка, видимо, издавна занимала и волновала умы. Мученики принесли себя в жертву, в их почитании народ выражал свое недовольство княжескими междоусобиями. Но проклятье, которое заслужил братоубийца, — это была для него недостаточная кара. Существовала потребность в том, чтобы высшая справедливость совершила суд над ним еще на земле.

В тексте «Сказания» несколько туманно рассказывается о том, как после своего поражения Святополк побежал в Ляхскую землю, гоним божьим гневом, как в пустыне «между чехы и ляхы» он окончил свою жизнь, принял возмездие от господя, а по смерти «муку вечную», лишился не только княжения, но жизни и царства небесного и огню был предан. Заканчивается отрывок словами: «И есть могила его и до сего дня, исходит из нея смрад злый на показание человеком».⁸ В Чтении Нестора передается о том, как он убежал в чужие страны и там окончил свою жизнь. «Многие же говорят, что видели его во мраке, как законопреступника Юлиана».⁹ В летописи сказано более лаконично: «Святополк побеже в Ляхи, и тамо пропаде в пропасть».¹⁰

⁵ Н. П. Лихачев. Житие Бориса и Глеба. Изд. ОЛДП, СПб., 1907.

⁶ А. Грищенко. Русская икона как искусство живописи. М., 1917, стр. 158.

⁷ В. Н. Лазарев. Новый памятник станковой живописи XII в. и образ Георгия-воина в византийском и древнерусском искусстве. — «Византийский временник», т. VI, М., 1953, стр. 190; Д. С. Лихачев. Человек в литературе древней Руси. М.—Л., 1958, стр. 38.

⁸ С. А. Бугославский. Памятки XI—XVIII вв. про князев Бориса та Глеба. (Розвідка та тексти). У Кнівi, 1928, стр. 14.

⁹ Там же, стр. 194.

¹⁰ См. ПЛ под 6523 г.: Псковские летописи, вып. 1. Подготовил к печати А. Насонов. М.—Л., 1941, стр. 9.